

КОНТРАКТ *на* ЛЮБОВЬ

Мария Жарова

Мария Жарова

Контракт на любовь

«Литнет»

2025

Жарова М.

Контракт на любовь / М. Жарова — «Литнет», 2025

Он предложил сделку. Я — нарушила все пункты. У меня есть правило: никогда не влюбляться в босса. Особенно такого — богатый, циничный, с глазами цвета зимнего неба и дьявольской улыбкой, от которой коленки подкашиваются. Он привык покупать всё. Теперь его цель — я. Его предложение шокировало: стать его женой на год. Фиктивно. Ради денег, карьеры и спасения моей семьи. «Никаких чувств, — сказал он, положив на стол брачный контракт. — Только бизнес». Я согласилась. Я думала, что справлюсь. Но я не знала, что его прикосновения будут обжигать. Что его ревность окажется такой жестокой. Что за маской холодного циника скрывается раненый мужчина, который смотрит на меня так, будто я его последнее спасение. Он думал, наш брак — фикция. Он ошибался. Теперь он хочет расторгнуть контракт. Но я уже не та наивная девушка, что подписала его. Я научу его любить. Или разорву его черствое сердце в клочья.

© Жарова М., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Глава 1. Сделка с дьяволом	5
Глава 2. Теплый пол и холодные правила	10
Глава 3. Первый поцелуй по контракту	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Глава 1. Сделка с дьяволом

Дождь. Он стучал по оконному стеклу двадцать второго этажа навязчиво, без перерыва, в такт яростному стуку ее сердца. Лиза стояла у панорамного окна, взирая на раскинувшийся внизу мокрый асфальт, разрисованный огнями вечерних фар, и пыталась дышать. Просто дышать. Глубже. Считала до пяти на вдохе, до семи на выдохе. Как учило бесплатное приложение для медитации, которое она скачала в порыве отчаяния полгода назад.

Не помогало. Совсем.

Пальцы, сжимавшие дорогую фарфоровую чашку с остывшим эспрессо, все равно предательски дрожали. Она злилась на эту дрожь. На себя. На эту дурацкую, вымученную позу «уверенной в себе бизнес-леди». На весь этот день, который должен был стать триумфом, а ощущался как прогулка к палачу.

«Вице-президент по маркетингу. Елизавета Соколова».

Она мысленно примеряла к себе эти слова из вакансии, перебирала их как четки. Они звучали солидно. Веско. Как удар молотка аукциониста, который ставит жирную, окончательную точку в долгой и изматывающей борьбе. Вся ее жизнь — учеба на износ, ночные бдения над проектами, бесконечные курсы английского, отказ от личной жизни, от глупых романов с коллегами, от посиделок с подругами — все это вело к этому часу. К этому кабинету.

И вот она здесь. В святая святых «Демидов Холдинг». Кабинет был таким же, каким и должен быть кабинет человека, который если не правит миром, то точно ощутимо его трясет. Минимализм, дорогой камень на столе, денег от продажи которого хватило бы на безбедную жизнь лет на десять, панорамное окно во всю стену. Сейчас за ним клубилась свинцовая мгла ноябрьского вечера, и огни города расплывались в ней, как акварельные кляксы. Воздух пах кожей, дорогим деревом и... властью. Непрístupной, абсолютной и безразличной.

Лиза с силой отставила чашку и снова выпрямила спину. Черный костюм — ее броня, выстраданная и выкупленная в рассрочку. Лаконичный, безупречный крой, идеально сидящий по фигуре, которую она поддерживала пятикилометровыми пробежками в любую погоду. Туфли-лодочки на смертоносном каблучке. Каждая деталь, от дорогих сережек-гвоздиков (подарок самой себе на прошлый день рождения) до французского маникюра, была продумана, как ход в шахматах. Она была готова. Готова к разговору с Артемом Демидовым о своем повышении. К своему «наконец-то».

Так почему же внутри все сжималось в ледяной, неумолимый ком, а в ушах стоял нарастающий звон?

Внезапно дверь открылась без стука. И он вошел.

Не так, как входят обычные люди — переступая порог. Он появлялся, заполняя собой все пространство, вытесняя воздух. Артем Демидов. В живую он был... больше. Выше. Массивнее. Харизма исходила от него почти физически, как волна жара от раскаленной печи. Он был без пиджака, в безупречно белой рубашке с расстегнутыми двумя верхними пуговицами, закатав рукава. Обнажились сильные, жилистые предплечья с проступающими венами — руки не офисного работника, а человека, который, возможно, не брезговал и реальным трудом. Деловой неформал. Признак того, что он здесь хозяин и может себе позволить то, что другим не позволено.

— Соколова, — его голос был низким, бархатным, но с отчетливыми металлическими нотками. Он не улыбался. Его взгляд, серый и пронзительный, как ледяная игла, скользнул по ней с головы до ног, оценивая, взвешивая, впитывая каждую деталь. Лиза почувствовала себя образцом товара на премиум аукционе. И от этого захотелось либо дернуться, либо ударить его своей фарфоровой чашкой по голове.

Она встала. Мышцы спины заныли от напряжения.

— Добрый вечер.

— Прошу, садитесь, — он махнул рукой по направлению к креслу, сам направляясь к своему массивному дубовому столу. Он опустился в кресло, не сводя с нее глаз. Она последовала его примеру, стараясь, чтобы движения были плавными, уверенными, королевскими. Как учила на курсах по самопрезентации. «Контролируйте каждую мышцу. Они все считают. Каждое движение — сообщение».

— Ваше резюме впечатляет, — начал он, откинувшись на спинку. Его пальцы принялись барабанить по столешнице. Нервный, энергичный ритм, выдававший колоссальную внутреннюю энергию, сдерживаемую лишь титанической силой воли. — Ваш проект. Увеличение доли рынка на восемнадцать процентов за квартал. Блестяще. Я читал отчеты.

Лиза кивнула, внутри что-то теплое и гордое попыталось растопить лед. Ее проект. Ее детище.

— Спасибо. Над этим работала вся команда. Мы действительно выложились по полной.

— Команду ведет лидер, — отрезал он, мгновенно прекращая барабанную дробь. — Не скромничайте. Это раздражает. В бизнесе скромность — синоним слабости.

У нее перехватило дыхание. Хорошо. Без нежностей. Без светских любезностей.

— Я не скромничаю. Я констатирую факт. Без команды я бы не справилась.

Уголок его рта дрогнул. Не улыбка. Скорее тень интереса, как у кошки, увидевшей новую игрушку.

— Мне нравятся факты. И мне нравится ваш профессионализм. Целеустремленность. Умение подать себя и проект. Вы — идеальный кандидат.

Вот оно. Сейчас. Сердце рванулось вверх, к самому горлу, готовое выпрыгнуть. Она неотрывно смотрела на него, ждала заветных слов.

— Поэтому я предлагаю вам должность, — он сделал паузу, нарочитую, театральную, и эта пауза показалась Лизе вечностью. Он смотрел на нее, впитывая каждую мельчайшую реакцию, игру света в глазах, легкий румянец надежды на щеках. — Моей жены.

Воздух в легких застыл. Комната поплыла, поплыл его стол, портрет какого-то сурового старика на стене. Лиза моргнула. Раз. Два. Она ждала, что он рассмеется. Скажет: «шучу, проверяю вашу реакцию на стресс». Но его лицо оставалось абсолютно серьезным. Высеченным из гранита. В его глазах не было ни капли иронии.

— Я... простите? — ее собственный голос прозвучал глухо, как из соседней комнаты, сквозь вату.

— Вы не ослышались, Соколова. Жены. На год.

Он говорил спокойно, деловым тоном, будто обсуждал условия контракта на поставку канцелярии или аренду офиса. Ни один мускул не дрогнул на его лице.

— Это шутка? — выдавила она, и пальцы сами собой впились в кожу на коленях, оставляя красные отметины. Боль была реальной, острой. Значит, это не сон. Она не спит.

— Я никогда не шучу на работе. А сейчас мы с вами на работе. — Он поднялся и начал медленно обходить кабинет, его силуэт вырисовывался на фоне ночного города, как тень гиганта. — Моему деду, основателю этого холдинга, семьдесят восемь. Состояние его здоровья... оставляет желать лучшего. Он старомоден. Считает, что мужчина в мои годы должен быть женат, обзавестись семьей, чтобы передать дело. Показать, что он зрелый, ответственный человек. Иначе все его наследие, все, что он строил, уйдет в фонд, которым заправят мои... скажем так, не в меру алчные и недальновидные родственники. Что будет с компанией, с тысячами рабочих мест, предсказать нетрудно.

Он остановился напротив нее, заслонив собой весь город. Он смотрел сверху вниз, и она чувствовала себя мухой, пришпиленной к булавке.

— Мне нужна жена. Умная, красивая, презентабельная. Способная играть свою роль безупречно и не питать иллюзий. Которая не влюбится, не станет требовать внимания и не

устроит истерику, когда все закончится. Которая понимает цену деньгам и возможностям. Я наблюдал за вами последние три месяца. Вы — идеальны.

Каждое его слово било по ней, как молоток по наковальне. Холодно, отточенно, безжалостно.

Идеальна.

Не «подходите». Не «ваш профиль релевантен». *Идеальна.* Как новый гаджет с удачно подобранными характеристиками. Как породистое животное на выставке.

— Вы сошли с ума, — прошептала она. Голос снова подвел, сорвавшись на хрип, на грани срыва. — Это абсурд.

— Возможно, — он пожал плечами, демонстрируя полное безразличие к ее оценке его психического здоровья. — Но это единственный выход. Вам это тоже выгодно. Гонорар — пять миллионов долларов. На ваш личный, анонимный счет в Швейцарии. После подписания брачного контракта и исполнения всех условий — еще пять. И должность вице-президента, разумеется. Гарантированно. Пропишем в отдельном, юридически безупречном приложении к нашему с вами... трудовому соглашению.

Десять миллионов. Десять. Цифры звенели в воздухе, как осколки разбитого стекла, ослепляя, режа сознание. Она представила лицо матери. Усталое, измученное постоянной болью. Долги. Врачи. Ипотека на ту самую однушку в спальном районе, которая съедала половину ее зарплаты. Возможность никогда больше не считать копейки в конце месяца, не ловить осуждающие взгляды кассирши в супермаркете, когда она пересчитывала сдачу. И должность вице-президента. Вершина. То, ради чего она жила все эти годы, ради чего отказывала себе во всем.

И ценой была она сама. Ее самоуважение. Ее тело, ее год жизни, ее право на нормальные отношения.

— Нет, — сказала она, поднимаясь. Ноги ватными не были. Они горели. Горели яростью, унижением. — Нет. Я не продаюсь. Даже за такие деньги. Ищите себе другую... идеальную куклу. Наверняка у вас есть очередь из моделей и светских львиц.

Она развернулась и сделала шаг к двери. Рука потянулась к блестящей ручке.

— А операция вашей матери в Израиле? — его голос прозвучал прямо за спиной. Тихо. Смертельно. Как выстрел с глушителем.

Лиза замерла. Рука, протянутая к ручке, повисла в воздухе. Вся кровь отхлынула от лица, сердце замерло.

Как он...? Откуда он знает?

— Артроз тазобедренного сустава, четвертая стадия, — продолжал он, не спеша, с ледяной, хирургической точностью. — Требуется срочная замена. Очередь в России по квоте — два года, если повезет. Частная клиника здесь, с лучшим хирургом — сто тысяч евро. Плюс реабилитация, еще минимум сорок. Вы копите. Но с вашей даже будущей зарплатой вице-президента... это займет лет пять. Если не случится чего-то непредвиденного. Ваша мать, если я не ошибаюсь, с трудом передвигается даже по квартире. Обезболивающие уже не помогают, не так ли?

Она медленно, очень медленно обернулась. Он стоял в двух шагах, засунув руки в карманы брюк. Смотрел на нее с каким-то... хищным сожалением. Как на раненого зверька, который еще пытается уползти.

— Вы... вы следили за мной? — она слышала, как у нее предательски дрожит голос, как слезы подступают к горлу. Унижение было оголенным проводом, било по нервам.

— Я изучал кандидата. Это бизнес, Соколова. Всегда знай слабые места своего контрагента. А у вас... — его взгляд скользнул по ее побледневшему лицу, — их предостаточно.

В глазах потемнело. Ее слабое место. Ее самая больная, самая незащищенная точка. Он нашел ее так легко, будто она сама ему ее вручила. Мама. Ее лицо, искаженное гримасой боли,

после очередного укола. Ее слова: «Не трать на меня деньги, дочка, купи себе что-нибудь красивое, сходи куда-нибудь. Ты вся в работе». Ее молчаливые слезы, которые она прятала, когда думала, что дочь не видит.

Он сделал последний шаг. Теперь они стояли совсем близко. От него пахло дорогим парфюмом — древесным, с горьковатой ноткой табака и чего-то еще... опасного, мужского.

— Год, Лиза. Можно я буду звать тебя Лиза? В конце концов, мы скоро станем мужем и женой, — он наклонился чуть ближе, и его дыхание, теплое, коснулось ее щеки. — Всего один год. Вы получаете все, о чем мечтали. А ваша мать — возможность снова ходить без боли. Жить полноценно. Я получаю свой холдинг. Все в выигрыше. Это просто сделка. Самая важная сделка в вашей жизни.

Она смотрела на него. В эти серые, бездонные глаза. В них не было ни капли тепла, ни искорки человеческого участия. Только чистый, отточенный расчет. Сталь и расчет.

И она поняла, что проиграла. Еще до начала игры. Ее принципы, ее гордость, ее уверенность в том, что всего можно добиться своим трудом... они оказались роскошью, которую она не могла себе позволить. Не одна она.

Ком в горле был таким огромным, что, казалось, перекрывал кислород. Она отвела взгляд, к окну, где по-прежнему хлестал дождь. Стиравший все очертания, все краски. Символично.

— Условия? — выдавила она, ненавидя себя за этот слабый, сломленный вопрос. Ненавидя его за то, что он довел ее до этого.

Он отступил, и на его лице впервые появилось что-то похожее на удовлетворение. Хищник, почуявший, что добыча сдалась.

— Подробно все изложено здесь, — он протянул ей стопку бумаг. Брачный контракт. Толстый, увесистый. — Фиктивный брак. Никаких реальных супружеских обязанностей, это оговаривается отдельным пунктом. Проживание в моем пентхаусе — для видимости. Совместное посещение светских мероприятий, семейных ужинов, корпоративов. В присутствии посторонних — образ идеальной, счастливой, влюбленной пары. Наедине — строго деловые партнеры. Через год — цивилизованный, безболезненный развод. Вы получаете свои деньги и должность. Я — свои акции и контроль над компанией.

Она медленно, почти машинально, взяла документы. Бумага была холодной и гладкой, как лезвие гильотины. Как приговор.

— Мне нужно подумать.

— Конечно, — он кивнул и вернулся к своему столу, снова становясь недостижимым боссом, дистанция между ними мгновенно выросла до размеров Вселенной. — У вас есть время до завтра. До девяти утра. Мой помощник ждет вашего звонка.

Он сел и включил монитор, погружившись в изучение каких-то графиков. Словно ее уже не существовало. Словно только что не перевернул всю ее жизнь с ног на голову. Диалог был окончен.

Лиза, не помня как, вышла из кабинета. Прошла по длинному, безмолвному коридору с мягким ковром, который начисто заглушал ее шаги. Зашла в лифт. Спуск с двадцать второго этажа занял вечность. Она смотрела на свое отражение в зеркальных стенах. Бледное, почти прозрачное лицо. Широко раскрытые, испуганные глаза. Идеально уложенные волосы. Идеальная кукла. Готовый продукт.

Лифт издал тихий звон, доехав до первого этажа. Она надела висевшее на руке пальто и вышла в пустой, сияющий хромом и полированным мрамором холл, где ее каблуки отстукали громко и одиноко, и почти бегом выскочила на улицу, под ледяной, пронизывающий ноябрьский дождь.

Капли тут же залили лицо, смешались с предательскими, жгучими слезами, которые она больше не могла сдерживать. Она шла по мокрому, скользкому тротуару, не разбирая дороги,

сжимая в онемевших пальцах тот дурацкий, многостраничный контракт. Ветер рвал его страницы, пытаясь вырвать и унести прочь.

Пять миллионов. Десять. Вице-президент.

Мама. Боль. Хромота. Безысходность.

«Идеальна».

Она остановилась посреди тротуара, запрокинула голову и дала дождю хлестать ее по лицу, по ее идеальному, выстроенному по кирпичику, такому хрупкому миру. Миру, в котором не было места для слабости, для болезней, для бедности. Миру, который только что был взорван изнутри.

И тихо, почти беззвучно, застонала от бессилия, стыда и осознания полнейшей, абсолютной ловушки.

Потому что она уже знала ответ. Он был в ее горле, в ее слезах, в ее сжатых кулаках.

Она согласится. Она продаст свой год. Она станет куклой.

А где-то вдали, в тепле и уюте своего кабинета, Артем Демидов, наверное, уже ставил галочку напротив следующего пункта в своем грандиозном плане.

Глава 2. Теплый пол и холодные правила

Дождь не прекращался. Он лил всю ночь, как будто небо решило вывернуться над Москвой, смывая всю грязь, все грехи, все сомнения. Мои сомнения, в том числе. Я не спала. Сидела на полу в своей маленькой, но такой родной однушке, прислонившись спиной к дивану, и смотрела, как капли стекают по стеклу, оставляя за собой длинные, кривые следы. Как слезы.

Рядом со мной на полу лежала папка. Толстая, солидная. Брачный контракт. Я пролистала его часа в два ночи, при свете настольной лампы. Юридический язык, сухой и бесстрастный, описывал мою новую жизнь с точностью до миллиметра. Пункт 4.7. «Стороны обязуются не менее трех раз в неделю проводить совместные вечера в резиденции Работодателя для поддержания видимости семейных отношений». Пункт 6.3. «В случае нарушения условия о конфиденциальности и нанесения ущерба репутации Работодателя, Исполнитель лишается всего гонорара».

Исполнитель. Вот кто я теперь. Не Лиза. Не Елизавета Соколова. Исполнитель.

Я закрыла глаза, и передо мной снова встало лицо матери. Ее улыбка, такая редкая в последнее время. Ее руки, исхудавшие, с проступающими венами. Как я ей скажу? «Мама, я выхожу замуж по контракту. За босса.». Она бы не поняла. Она бы испугалась за меня. А я не могла позволить ей бояться. Не сейчас, когда на кону ее возможность просто безболезненно встать с кровати и дойти до кухни.

В половине восьмого я отправила на почту секретарю всего одно слово. «Согласовано». И поднялась с пола. Ноги затекли, заныла спина. Я дошла до ванной и посмотрела на себя в зеркало. Боже. Под глазами — фиолетовые тени, кожа серая, волосы — птичье гнездо. Идеальная невеста. Черт побери.

Душ. Горячий, почти обжигающий. Я стояла под струями, пытаюсь смыть с себя остатки ночи, остатки самой себя. Потом — холодный. Резкий, как удар хлыста. Тело покрылось мурашками, сердце заколотилось, выталкивая апатию. Я снова посмотрела в зеркало. Капли воды на ресницах. И новый, стальной блеск в глазах. Решение было принято. Не с радостью, не с надеждой. С отчаянием, обёрнутым в ледяную решимость.

Я не стала надевать костюм. Надела темные джинсы, простую черную водолазку, косуху. Пусть видит, с кем имеет дело. Не с манекеном. С живым человеком. Пусть и проданным в аренду.

Ровно в девять утра мой телефон издал короткую, отрывистую вибрацию. Не звонок. СМС.

Неизвестный номер: Машина ждет вас внизу. Черный Mercedes, номер А 777 АА. Водитель Александр.

Ни «здравствуйте», ни «будьте добры». Просто констатация факта.

Я вздохнула, взяла ту самую папку, бросила в рюкзак зубную щетку и сменное белье и вышла из квартиры. Не оглядываясь. Иначе можно было сломаться.

Машина и правда ждала. Александр, мужчина лет пятидесяти с невозмутимым лицом монаха, молча открыл передо мной дверь. Сел за руль. Мы поехали. Я смотрела в окно на мелькающие улицы, на спешащих людей, на их нормальную, настоящую жизнь. Мне казалось, я смотрю на все это из-за толстого стекла аквариума.

Мы ехали молча. Я уткнулась лбом в холодное стекло, пытаюсь не думать. Бесполезно.

— Александр, а вы давно работаете у... Демидова? — спросила я, просто, чтобы разорвать эту давящую тишину.

Ольга, моя подруга, вечно говорила, что я не могу молчать в стрессовых ситуациях. Начиная болтать чепуху.

— Четыре года, — последовал лаконичный ответ. Ни одного лишнего слова.

— И... как он? Как работодатель?

Александр на секунду встретился со мной взглядом в зеркало заднего вида. В его глазах я прочитала что-то вроде... сочувствия? Или это просто показалось.

— Артем Викторович — человек слова. Справедливый. Но не ждите поблажек. Он не прощает ошибок.

— Ничего нового, — пробормотала я себе под нос, глядя в окно.

Через сорок минут мы подъехали к знаменитой башне в Москва-Сити. Александр проводил меня до лифта, вручил ключ-карту.

— Пентхаус А. Лифт приватный. Домофон подключен напрямую к охране. — Он сделал небольшую паузу, прежде чем добавить: — Удачи.

От этих слова у меня по спине пробежали мурашки. Даже его, этого каменного человека, видимо, моя ситуация не оставляла равнодушным. Или он просто видел, как дрожат мои руки.

Лифт поднимался бесшумно и так быстро, что закладывало уши. Двери разъехались прямо в холл. И я застыла на пороге.

Боже.

Это был не просто пентхаус. Это была территория другого измерения. Два уровня, панорамное остекление от пола до потолка, открывающее вид на пол-Москвы, несмотря на хмурое утро. Стиль — холодный минимализм, лофт, много бетона, стекла и старого дерева. Ничего лишнего. Ни одной безделушки, которая говорила бы о том, что здесь живет человек со своими слабостями, воспоминаниями. Стояла гробовая тишина, нарушаемая лишь тихим гулом города где-то внизу. Пахло кожей, деревом и... одиночеством. Дорогим, выверенным, но одиночеством.

Я сделала неуверенный шаг внутрь. Мягкий ковер поглотил звук шагов. Я прошла немного вперед, к окну, и положила ладонь на холодное стекло. Где-то там, внизу, кипела жизнь. А здесь, наверху, — ее полная противоположность. Красивая, роскошная и бесшумная тюрьма.

— Вы планируете ночевать в лифте или все-таки войдете?

Я вздрогнула и резко обернулась. Он стоял в проеме гостиной, прислонившись к дверному косяку. В черных тренировочных штанах и простой футболке, насквозь мокрой от пота, обрисовывающей каждый мускул его торса. Видимо, только что закончил заниматься на тренажере. Волосы были взъерошены, на лице — румянец физического напряжения. Он выглядел... моложе. Опаснее. Реальнее. И от этого как-то по-новому притягательно.

— Я... люблюсь, — выдавила я, чувствуя, как горит лицо. — На вашу... клетку.

Он усмехнулся, один уголок губ пополз вверх. Не улыбка. Скорее — гримаса.

— Клетка неплохо оплачивается. Войди, Елизавета. Осваивайся.

Я переступила порог, поставила свой потрепанный рюкзак на пол рядом с диваном из белой кожи, который стоил, наверное, как годовые взносы по ипотеке на мою квартиру. Чувствовала себя Гадким Утенком, забредшим в лебединое озеро по ошибке.

— Кофе? — спросил он, направляясь к монструозной кофемашине, похожей на артефакт из будущего.

— С пятью ложками сахара, — брякнула я первое, что пришло в голову, просто, чтобы скрыть смущение.

Он остановился и медленно обернулся. Бровь поползла вверх.

— Серьезно?

— У меня сегодня тяжелый день. Продаю себя в рабство, — сказала я с самой ядовитой улыбкой, на которую была способна. Самоирония как последний щит.

Он фыркнул. Не смог сдержаться. Залил в кофемашину воду, не глядя на меня.

— В рабство не продаются. В него берут штурмом. А ты... подписываешься. Добровольно. Так что не надо тут страдать.

Меня будто ошпарило. От этого «ты». От беспощадной правды в его словах.

— У меня не было выбора, — прошептала я, глядя ему в спину, сжимая кулаки. — Когда на одной чаше весов — твое будущее и здоровье матери, а на другой — твоя гордость... это не выбор. Это шантаж.

— Выбор есть всегда, — он закончил с кофемашинной, нажал кнопку, и она загрохотала, нарушая гробовую тишину. — Ты просто выбрала то, что считаешь меньшим из зол. Или большим из благ. Как посмотреть. Я, например, считаю, что ты проявила здравомыслие. Редкое качество.

Он повернулся и протянул мне чашку. Черный эспрессо. Без сахара.

— На, подкрепись. От сахара будешь только нервничать сильнее. А нам сегодня предстоит много работы.

Я взяла чашку. Пальцы снова предательски дрогнули, и я едва не уронила ее. Сделала глоток. Горько. Очень. Прямо как вся эта ситуация.

— Какая работа? — спросила я, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Я думала, я просто буду тут жить, изображая мебель.

— О, нет, — он отхлебнул из своей чашки, его взгляд скользнул по мне с головы до ног, оценивающий, безжалостный. — Мебель должна соответствовать интерьеру. А ты... — он сделал паузу, давая мне прочувствовать весь стыд, — выглядишь так, будто пришла на митинг против буржуазии.

Я ощутила, как по щекам разливается жар. Моя водолазка и джинсы внезапно показались мне потертыми и убогими.

— Первое, с чего начнем, — твой гардероб. Мой дед ждет нас на ужин послезавтра. И ты не можешь явиться к нему в том, в чем обычно ходишь на свои воскресные кинопоказы в одиночестве.

У меня перехватило дыхание. От его наглости. От точности попадания. От того, что он знал и это.

— А ты откуда знаешь, как я... что я...

— Я знаю о тебе все, Лиза, — он перебил меня, и в его глазах не было ни капли тепла. Снова тот самый Демидов. Холодный босс. — Твои предпочтения в кино, твоя аллергия на кошек, твоя привычка покупать круассаны по субботам в той булочной у метро. Все. Так что давай не будем тратить время на ложный стыд. Твой гардероб — это часть моего имиджа. И он требует немедленного вмешательства.

Он подошел ко мне так близко, что я почувствовала исходящее от него тепло, запах пота, дорогого мыла и той самой опасной горьковатой туалетной воды. Он протянул руку и взял прядь моих волос, все еще влажных, небрежно выбивающуюся из хвоста.

— И с этим тоже что-то нужно делать. У тебя три часа. В одиннадцать за тобой заедет стилист. Покажу тебе твою комнату.

Его прикосновение обожгло. Не как удар. Как ток. Короткий, мощный разряд, от которого по телу пробежали мурашки, а в животе зародилось противное, предательское тепло. Я резко отшатнулась, расплескав кофе на идеально чистый пол.

— Руками не трогать! — выпалила я, и голос прозвучал резко, почти истерично. — Или это в нашем контракте тоже прописано? Что вы можете меня трогать без моего разрешения?

Он замер. Его глаза сузились до щелочек. В них вспыхнула опасная, холодная искра. Он медленно, не спеша, убрал руку, как будто отодвигая что-то грязное.

— Ты права. Моя ошибка. — Его голос стал тихим и шелковым. Таким же опасным, как лезвие бритвы. — Я забыл, что ты не просто исполнитель. Ты — исполнитель с претензиями.

Он сделал шаг вперед. Я отступила, наткнувшись спиной на холодное стекло панорамного окна. Уйти было некуда. Позади — только пустота и город где-то далеко внизу.

— Но позволь мне кое-что прояснить, — он уперся руками в стекло по обе стороны от моей головы, заточив меня в пространстве между своим телом и бездной. Он наклонился так близко, что его губы почти касались моего уха, а дыхание обжигало кожу. Я замерла, не в силах пошевелиться. — На людях, — он прошептал, и от этого шепота по спине пробежал ледяной озноб, смешанный с адским жаром, — я буду трогать тебя так часто, как посчитаю нужным. Я буду держать тебя за руку. Обнимать за талию. Целовать. И ты будешь улыбаться. Ты будешь смотреть на меня влюбленными глазами. Ты будешь краснеть и смущенно опускать взгляд, когда я буду говорить тебе комплименты. Потому что такова наша работа. Поняла?

Я не дышала. Сердце колотилось где-то в горле, требуя кислорода. Во рту пересохло. Я могла только кивнуть, чувствуя, как дрожит подбородок.

— Прекрасно, — он отстранился, и маска безразличия снова легла на его лицо. Словно только что он не сводил меня с ума одним лишь шепотом. Словно между нами ничего не произошло. — Тогда начнем нашу работу. Правило первое и самое главное: никаких реальных чувств. Никаких глупостей. Это — бизнес. Нарушишь — контракт расторгнут, и твоя мать так и не сделает свою операцию. Ясно?

— Ясно, — прошептала я.

Он развернулся и пошел прочь, оставив меня одну у огромного окна. Сжавшей в руке чашку с холодным кофе. С трясущимися коленями. С диким, яростным, неконтролируемым желанием запустить эту чашку ему вслед.

И с одним ужасающим осознанием, пробившимся сквозь весь гнев и унижение.

Мое тело среагировало на него.

Не как на босса.

Не как на работодателя.

А как на мужчину.

И это было в миллион раз опаснее, чем любой пункт в его дурацком контракте.

Он провел меня по пентхаусу коротким, деловым туром. Его комната — на втором уровне. Моя — на первом, в противоположном конце коридора. «Чтобы не мешать друг другу», — как он выразился. В моем распоряжении была собственная ванная с джакузи и гардеробная, размером с мою прошлую гостиную, пока еще пустая.

Ровно в одиннадцать раздался звонок домофона. Стилист. Не один, а целая команда из трех человек — сам стилист Жан-Пьер (или просто Женя из Мытищ, но с парижским акцентом), визажист и парикмахер. Они вкатили в гостиную несколько стоек с одеждой и чемоданы с косметикой.

Артем исчез в своем кабинете, бросив на прощание: «Превратите ее в ту, кого не стыдно показать в обществе».

И началось. Три часа ада. Примерки. Постоянная болтовня Жени. «О, дорогая, эта ткань — на тебе поет!», «Нет-нет, этот крой тебя старит, мы не деревня!». Меня крутили, вертели, закалывали булавками. Потом — волосы. Парикмахер часами выпрямлял мои непокорные пряди, пока они не стали идеально гладкими. Визажист накладывал макияж с точностью ювелира.

Я сидела, как кукла, и смотрела в зеркало, наблюдала, как постепенно исчезаю. Стирается Елизавета Соколова, а на ее месте возникает незнакомая, холодная и идеальная женщина. Та самая, что нужна Артему.

Когда все наконец закончилось, и команда с шумом удалилась, я осталась одна перед зеркалом в полный рост. На мне было строгое платье-футляр цвета бордо, туфли-лодочки на шпильке. Волосы лежали идеальным каскадом. Лицо — безупречный макияж, подчеркивающий скулы и губы. Я была красива. Неприступно, дорого, чуждо.

Из кабинета вышел Артем. Он остановился в нескольких шагах и... замер. Его взгляд скользнул по мне, медленный, изучающий. В его глазах что-то мелькнуло. Не то чтобы восхищение. Скорее... удовлетворение. Как у коллекционера, нашедшего редкий экземпляр.

— Да, — произнес он наконец. — Так значительно лучше. Теперь ты выглядишь как моя будущая жена.

— Я рада, что не разочаровала, — сказала я ледяным тоном, поворачиваясь к нему. — А где мой рюкзак?

— Какой рюкзак? — он нахмурился.

— Тот, что я принесла. С моими вещами.

— А, это. — Он махнул рукой. — Александр уже отнес его в подсобку. Он тебе больше не понадобится.

Это была последняя капля. Последняя частичка моего старого «я», которую у меня отнимали.

— Вы не имеете права! — голос мой сорвался. — Это мои вещи!

— Теперь твои вещи — вот эти, — он указал на стойки с одеждой. — Все остальное — мусор. Мы избавляемся от мусора, Елизавета. В том числе и от эмоционального. Усвой это побыстрее.

Он подошел к столу, взял какой-то конверт и протянул мне.

— Держи. Твой новый паспорт. И виза. Послезавтра летим в Милан. У деда там вилла, он предпочитает климат помягче.

Я машинально взяла конверт. Внутри лежал мой паспорт. С моей фотографией. Но фамилия была теперь... *Демидова*. Елизавета Демидова.

У меня подкосились ноги. Это было реально. Официально. Необратимо.

— Я... мне нужно... мне нужно позвонить маме, — прошептала я, чувствуя, как по лицу катятся слезы, грозя испортить безупречный макияж.

— Звони, — он пожал плечами, глядя на мои слезы с холодным любопытством. — Но помни правило номер два: никто и никогда не должен узнать правду. Ни твоя мать, ни твои подруги. Никто. Придумай красивую сказку. О любви с первого взгляда. О страсти. О том, как ты с ума сходишь по мне. В это должны поверить все.

Я смотрела на него, на этого красивого, безупречного монстра, и понимала, что попала в ловушку, из которой не было выхода. Ловушку из денег, лжи и его ледяного спокойствия.

— Я ненавижу вас, — прошептала я, и это была единственная правда в этом море лжи.

Он усмехнулся. Шелково и ядовито.

— Это допустимо. Главное, чтобы на людях ты делала вид, что любишь. А в остальном... ненависть — тоже неплохая эмоция. Она греет.

Он развернулся и ушел, оставив меня одну в центре роскошной гостиной. С паспортом на новое имя в руках. В платье, которое было мне не по душе. С сердцем, разорванным на части. И с горьким осознанием, что самый страшный выбор — это не тот, в который мне предстояло убедить весь мир.

Самый страшный выбор — это тот, в который я, возможно, уже начинала верить сама.

Глава 3. Первый поцелуй по контракту

Следующие два дня пролетели в каком-то сюрреалистичном тумане. Я жила в з

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.